

Анара Ахундова

шум ветра майского

притчи
стихи

Max
e-publishing

Анара Ахундова

Шум ветра майского (сборник)

«Innovation Systems, Inc.»

2013

Ахундова А.

Шум ветра майского (сборник) / А. Ахундова — «Innovation Systems, Inc.», 2013

Сборник «Шум ветра майского» – это своеобразный литературный диптих. Он состоит из двух частей: «Притчи» и «Стихи», объединенные негласной темой света. Абстракцию и иносказание произведений прекрасным образом иллюстрируют работы лондонского художника росписи по стеклу Ульви Пепиновой. В тандеме экспрессии живописи и спокойствия повествования рождается эта книга, адресованная всем, кто верит в добро.

Содержание

От автора	5
Притчи	7
Воздушный змей	7
Человек-невидимка	9
Солнечный зайчик	10
Шум ветра майского	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анара Ахундова

Шум ветра майского. Притчи и стихи

От автора

...Я всегда хотела быть писателем. Не могу сказать точно, когда возникло такое желание. Оно было каким-то естественным, врожденным что ли? А может, это сказалась на мне атмосфера, царившая дома. Я родилась и выросла в Баку. Мой папа журналист, а мама – лингвист, преподаватель русского языка и литературы. Бабушка, в прошлом балерина, а позже – тоже газетный сотрудник.

...Дома всюду были книги, в каждой комнате: они стояли в шкафах, уходящих под потолок, на полках этажерок, лежали на столах и столиках, на подоконниках и креслах. Мы часто устраивали громкие чтения. Мастерски читал вслух папа, читала бабушка. Забраться всем вместе на огромную тахту, обложиться подушками, накрыться пледами, запастись чаем и домашним печеньем и слушать – Господи, это было лучше всего на свете!

...Когда мне было семь или восемь лет, папа подарил мне маленький зеленый блокнотик и сказал, что в нем мы будем писать сказку. Такой белиберды свет, наверное, еще не видывал. Но это было так здорово! Сочинять истории, придумывать имена для героев и названия для стран и городов. Мама с бабушкой валились со смеху, сраженные обилием орфографических ошибок и искореженных мною слов.

...Бабушка часто рассказывала историю своей жизни и историю нашего рода аж до шестого колена. Я обожала эти рассказы! Удивительными людьми были наши предки с удивительной судьбой. У нас даже сохранились старинные фотографии, пожелтевшие и поблекшие. Было время, когда я взялась записывать за бабушкой. Однажды, она сказала:

«Я мечтаю, чтобы когда-нибудь ты написала книгу и посвятила ее мне». Как же мне хотелось воплотить ее мечты в реальность! Так сильно, что у меня получилось.

...Оглядываясь на свое детство, я понимаю, что, не смотря ни на что, была счастливым ребенком. Спасибо!

...Я покинула родительский дом в семнадцать лет. Уехала в Москву получать высшее образование. Я никогда не думала обучаться в литературном институте. Я была уверена, что писать можно, будучи, кем угодно по специальности. Хотела пойти на журналиста или переводчика. Судьба сделала мне замечательный подарок, определив меня на факультет издательского дела и редактирования.

...Господь очень добр ко мне. Он знакомит меня с прекрасными людьми и дарит мне их дружбу. Как же мне благодарить Его?!..

...Еще в школьные годы начали копиться у меня черновики. Их становилось все больше. Будучи студенткой, я обросла ими по самую макушку. Они очень беспокоили меня. Лежит себе кипа бумаг каким-то немым укором и мучит. Но я никак не могла заниматься ими. Учеба и работа отнимали все силы: подрабатывала я корреспондентом, редактором и конферансье. И только после переезда в Турцию у меня, наконец, появилась возможность писать.

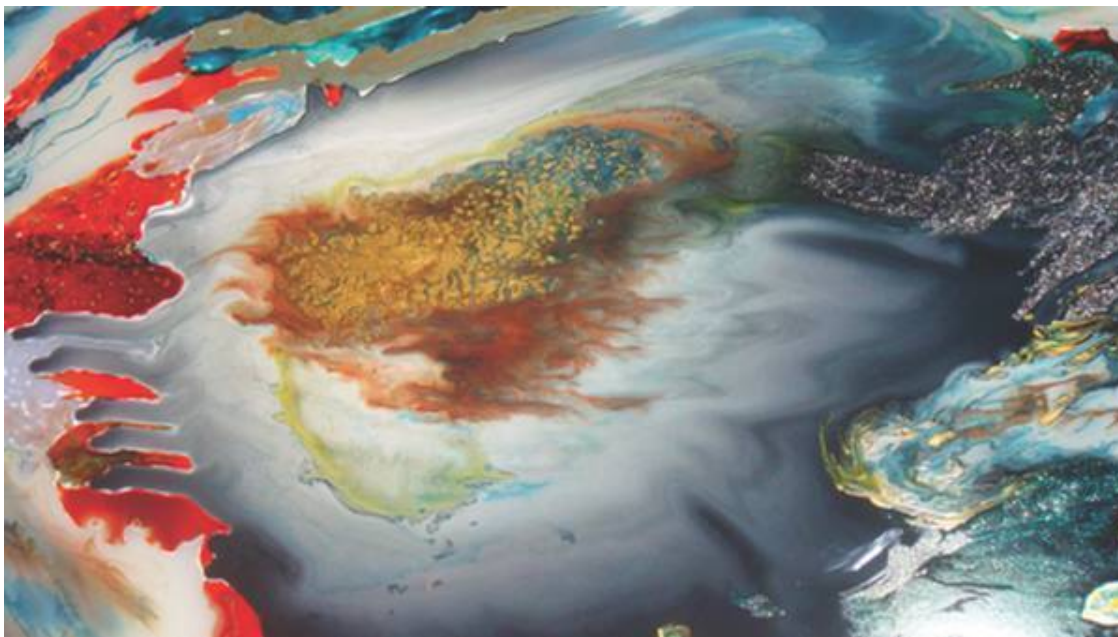
...Анталия – мой третий дом, после Баку и Москвы. Что есть дом для меня? Место, в которое ты всегда можешь вернуться. Когда я впервые оказалась здесь, в тот же день поняла – да! в этом городе я буду писать. Я полюбила Анталию и очень благодарна ей, как благодарна Баку и Москве. Я не знаю, суждено ли мне тут остаться до скончания дней или нет, но мне определенно было суждено воплотить здесь свою мечту. И я счастлива.

Анара Ахундова

Притчи

Моей бабушке

Воздушный змей

Мне привиделся удивительный сон нынешней ночью! Я была воздушным змеем. Я взвилась высоко в небеса. Я была легка. Я ложилась плашмя на воздух, как ложатся пловцы на поверхность воды. Земля рывками отдалялась от меня. И дух захватило от нахлынувших чувств!

А ты стоял там, внизу, наблюдая мой полет. И с каждым новым витком ввысь, ты казался все меньше и меньше. И в какое-то мгновение стал таким крошкой, что уместился бы на ладони ребенка.

Ты вытянул вперед руку, и мне стало видно, что пальцы твои сжимают ленту, что тянется к моему корпусу. Ты начал разгибать их один за одним, и я поняла, что ты собираешься отпустить меня. Отпустить в небеса. Всем своим телом подалась я обратно к земле, подалась к тебе. Но вес мой оказался слишком ничтожным. Тогда я попыталась закричать – взмолиться, чтобы ты не разгибал пальцев. Но я была нема. Лишена голоса и уст.

Ты что-то сказал. Что – я не разобрала. Лента выскользнула из твоей ладони и ветер, подхватив, унес меня. Унес сквозь облака. И солнце оказалось совсем близко. Оно грело так ласково, так любяще, что печаль отступила на время. Но не заметила я, как сменилось тепло жаром, и, как нещадно и губительно начало меня жечь!

* * *

Я проснулась в сокровенной тишине с лучом солнца на щеке. Тебя рядом не было. Я села в постели. Простыни были горячи, горяч был и воздух. Я пошевелила руками и ногами, убедилась, что в тело мое вернулся вес. И вдруг отчетливо разобрала я, что именно сказал ты в моем сне. В памяти ясно предстало движение твоих губ: «Удел твой – полет, – промолвили они, – а я тебе обуза». И тогда поняла я, что ты не в саду и не в кухне, не на веранде с книгой и не в кабинете за письмами. И тогда поняла я, что ты ушел, не простившись, и не вернешься.

Я выбежала из дома босая и неумытая, пронеслась по влажной росистой траве. Миновав калитку, я увидела тебя: ты шел вниз по склону холма. Я кинулась тебе вслед и быстро нагнала. Я обвила тебя руками и горько заплакала. «Удел твой – полет, – сказал мне ты, – а я тебе обуза. И я должен уйти, чтобы ты смогла, наконец, набрать скорость».

«Глупый, глупый! – вскричала я. – Ты не обуза вовсе! Ты тот, кто удерживает меня над землей! Отпусти ты меня в небеса, я потеряю с ней всякую связь и сгорю на солнце! И мы нужны друг другу, как бы трудно не было тебе в это поверить!»

И ты впервые осознал, что я говорю правду. И мы обнялись крепко и более никогда не размыкали объятий.

Человек-невидимка

Ранним весенним утром выходного дня на безлюдной трамвайной остановке стоял, переминаясь с ноги на ногу, Человек-невидимка. Он пропустил уже три трамвая, потому как машинисты, видя, что остановка пуста, не открывали дверей. И только в четвертый раз Человеку-невидимке, наконец, повезло. Машинист, который вел этот трамвай, прилежно открывал двери там, где положено. Человек-невидимка вскочил радостно в трамвай. Он честно прокомпостировал билетик, потому как никогда не пользовался своим невидимым положением. По этой же причине, он тщательно умывался по утрам, стирал и выглаживал одежду, чистил ботинки и аккуратно расчесывался.

Он пошел по вагону. В передней его части сидели влюбленные и, совершенно никого не стесняясь, целовались. Они бы не обратили на него внимания, будь он хоть трижды видимым. В средней части дремала старая бабушка и, разумеется, тоже никого не видела и не слышала. А в самом конце трамвая сидела у окна девушка с книгой. Она была так увлечена этой книгой, что тоже никого не замечала. Человеку-невидимке девушка показалась очень красивой! Он сел позади нее и стал заглядывать ей через плечо, хотя это было и не совсем прилично. Всего по нескольким строкам он узнал роман, в который она с таким интересом была погружена. Сам Человек-невидимка страстно любил читать! Он проводил долгие часы в библиотеке, поглощая одну книгу за другой. Ему стало приятно, что девушка читала одного из его любимых авторов, и ему захотелось сказать ей об этом. Конечно, он не хотел пугать такую прекрасную и умную девушку, но все же он заговорил совсем тихо и неуверенно:

– Это очень хорошая книга.

– О, я знаю, – отозвалась девушка, не отводя глаз от страницы. – А вы, значит, ее читали?

– О да! – взволнованно прошептал Человек-невидимка. – И не один раз.

– Тогда не рассказывайте! – воскликнула девушка. – Ни за что не рассказывайте, что будет дальше!

– Я бы не стал... – промолвил было Человек-невидимка.

Но тут девушка резко обернулась к нему.

– Простите мои подозрения, – улыбнулась она. – Конечно бы, вы не стали.

Человек-невидимка замер ни жив, ни мертв. Сердце его бешено забилося в груди.

– Конечно бы, вы не стали такого делать, – повторила девушка, – у вас для этого слишком умные глаза и... – она слегка покраснела, – надо заметить, очень красивые. Синий цвет – прекрасный цвет.

Человек-невидимка посмотрел изумленный в окно трамвая и увидел в его отражении очертания своего лица...

Солнечный зайчик

Был бы я ветром в поле. Жарким степным ураганом. Был бы я громом небесным. Был бы я проливным дождем, я бы сумел что-то изменить. Но я был солнечным зайчиком, и не мог ничего поделаться.

* * *

Если спросите вы меня, есть ли на свете абсолютная любовь, похожая на притчу любовь, любовь, о которой поется в песнях, я отвечу вам, что она есть. Ежели захотите вы послушать историю о такой любви, я расскажу вам ее.

Они были еще детьми, когда их сердца уже забились как одно. С тех самых пор я и наблюдал их бытие. Когда они расставались, пусть даже ненадолго, они начинали хворать и чахнуть, как чахнут цветы в летний зной. Они так нежно оберегали друг друга, что у взрослых на глазах выступали слезы умиления. Никто не был против их дружбы, и никто не сомневался, что в скором времени дружба эта расцветет пышным цветом любви.

Так оно все и случилось. Они сыграли свадьбу, когда им исполнилось по восемнадцать лет. Они прожили в счастье два года, шесть месяцев и одиннадцать дней. А потом началась война, и он ушел сражаться. С той самой ночи стала она выставлять у окна свечу, что горела до рассвета – знак того, что она любит его и ждет.

Тяжелые наступили времена. Голодные, страшные, безрадостные. Многим приходили скорбные вести о сыновьях, мужьях и братьях. Иных отправляли домой, искалеченных и безжизненных. Но ничто не длится вечно и даже той войне пришел конец. Кто воротился после нее, а кто – нет. До вечера сидела она на ступенях крыльца, все ждала, все глядела в сторону леса, только не показался ее любимый. Но и среди мертвых он не значился, и никто не мог ответить ей, когда видел его в последний раз. Ни через день, ни через неделю не объявился он, и соседи стали жалеть и утешать ее. Но не принимала она соболезнований и вдовой называть себя запретила.

Шло время. Не год и не два минуло с тех пор, как ушел ее ненаглядный, обняв ее на пороге, а долгих десять лет. И за все это время ни разу не усомнилась она в том, что он жив и вернется к ней. И друзья, и родные убеждали ее оплакать мужа и начать новую жизнь. Многие приходили к ней свататься. Но не пускала она женихов даже за калитку ступить и говорила, что будет ждать столько, сколько потребуется. И люди уже сочли, что несчастная потеряла разум от горя. А она, не тая ни на кого зла, просто не слушала и каждую ночь исправно ставила горящую свечу у окна.

Однажды, в предрассветный час, ворвался в спальню сквозь раскрытое окно озорной ветерок. Он всколыхнул занавеску, и недогоревшая свеча опалила ее край. Ткань быстро занялась. Огонь пополз по ней вверх, к потолку и перекинулся на карниз. Стояло засушливое лето. Дождя не было с весны. Солнце, казалось, просушило дом от крыши, до самого погреба и он был все равно, что вязанка хвороста, заготовленная для костра. Но она спала и не знала о беде, что нависла над нею. И некому было заметить, как загорается ее дом – ведь все спали, даже самые усердные работяги.

... Был бы я ветром в поле. Жарким степным ураганом. Был бы я громом небесным. Был бы я проливным дождем... Я бы сумел что-то изменить: разбудить ее раскатистым громыханием, засыпать огонь песком, излиться на него дождем. Но я был солнечным зайчиком, и не мог ничего поделать. Я слепил ее веки, я плясал по ее лицу, я взывал к ней, что было силы: «Проснись! Спасайся!» Но спала она крепко и видела во сне своего любимого. И в тот момент, когда я отчаялся помочь ей, когда начали трещать и лопаться деревянные стены, когда пламя объяло все вокруг, когда повалили из окон сизые клубы дыма, в тот момент в дом ворвался он, ее ненаглядный. Огонь тот час опалил его волосы, ожог кожу, но он бежал сквозь него, будто и не замечая.

Он вынес ее на руках. Отнес на безопасное расстояние и уложил на землю. А после поднял тревогу. Она проснулась за миг до его появления. Удушенная дымом, она долго, надрывно кашляла. Из глаз ее лились слезы – но не от пережитого она плакала, а от любви.

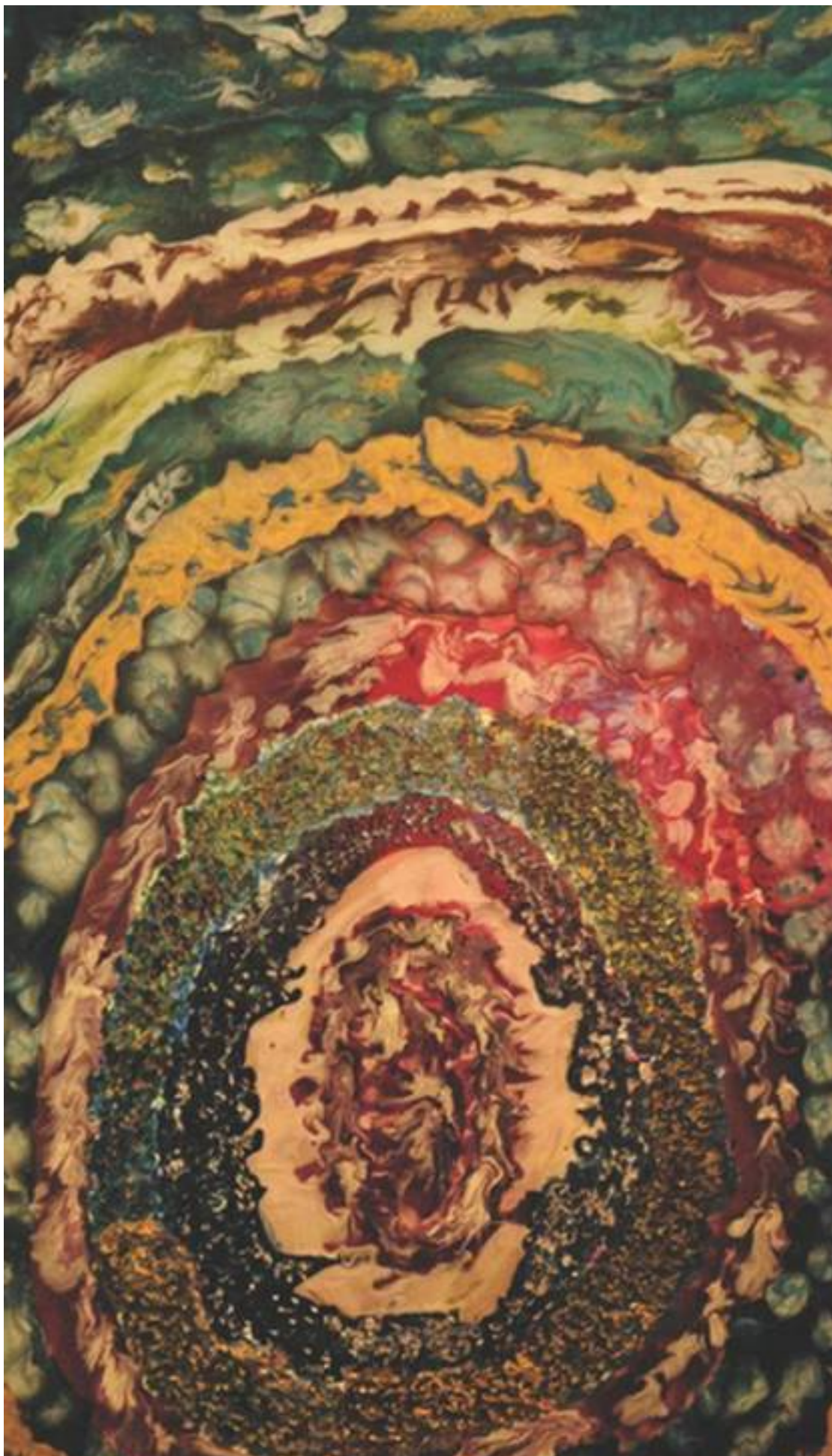
Сообща, потушили огонь, не дав ему перекинуться на соседние дома. Но не столь сильно потряс всех пожар, сколько воротившийся в родные края солдат. Пожары, к несчастью, случаются каждый год. А вот, чтобы влюбленные встретились спустя столько лет – большая редкость. Извинились они все перед ней: и друзья, и родные, и женихи. За то, что не поддержали, за то, что пытались разуверить. Но ведь они не из злого умысла так поступили.

Приютили счастливых супругов соседи на время и всем миром принялись строить им новый дом. И пока шла работа, рассказывал он, как попал в плен после войны, как увезли его далеко от поля боя, как бежал он и как пытался найти дорогу обратно. Много раз приходила за ним смерть за эти десять лет. Но всякий раз уходила ни с чем, ибо слишком крепко держала его на земле любимая. И всякий раз, минуя гибель, он знал: это потому, что она ждет его.

Так и спасли они друг друга: верой и надеждой, любовью и нежностью. Щедро наградила их судьба за такую небывалую преданность – более никогда не разлучала и не испытывала. И жизнь их была сладкой и тихой до конца их дней.

Многих повидал я на свете влюбленных, но таких – лишь однажды. Меж ними царила абсолютная любовь, похожая на притчу любовь, любовь, о которой поется в песнях.

Шум ветра майского

Было то во сне, наяву ли – я не знаю. Воспоминания приходят ко мне вспышками, солнечными бликами и тот час же покидают мой разум.

* * *

Я бродил по душистым лугам, по каменистым предгорьям и покатым речным берегам. Я заглядывал в скованные холодом ущелья, взбирался на зеленые холмы и плутал по лесам. Я искренне желал обрести счастье в жизни и вопрошал о нем каждую живую душу, которую встречал на своем витиеватом пути.

Наблюдая хоровод легкокрылых бабочек, я спросил, в чем их радость и в чем их благодать. И что сделать мне, чтобы стать таким же веселым. «Будь как мы, – ответили бабочки, – стань беспечным, живи одним днем!» И упорхнули пестрой беззаботной стайкой, затерялись меж полевых цветов.

Я шел без усталости на восток, к горизонту. Я высоко поднял голову и обратился прямо к солнцу: «В чем секрет твоего величия и могущества? И что сделать мне, чтобы стать хоть в половину столь же великолепным?» «Будь как я, – ответило солнце, – стань необходимостью, как я есть необходимость первой величины. Привяжи к себе тела, привяжи жизни, заставь их поклоняться тебе. И ты обретешь счастье бесконечное в своем охвате».

Я побрел, более не поднимая глаз к солнцу. Я шел, не разбирая пути, шел наугад, переполненный печальными мыслями.

К ночи я сбил ноги в кровь. Дорога привела меня в открытое поле. Там застали меня гром, и молния, и проливной дождь весенний. Казалось, от грохота вот-вот расколется пространство, распадется на куски. Совсем недалеко от меня вонзилось в землю серебристое изломанное копьё. Я кинулся ничком в траву, уткнулся в нее лицом, вжался всем телом, вцепился в нее пальцами. Но вскоре, преодолев собственный страх, встал я и прокричал в небо: «Откуда черпаете вы свои силы и как сберегаете их?! И что сделать мне, чтобы обрести хоть долю мощи, подобно этой?!» «Гр-р-реми! – пророкотал гром. – Стр-р-раши! Сотр-р-рясай!» «Сияй! – холодно улыбнулась молния. – Завораживай! И поражай!» С этими словами еще одно копьё метнулось вниз, угодив в дерево, росшее посреди поля. Снова припал я к земле, обхватил голову руками. Сквозь раскатистый хохот грома услышал я шелест ливня: не ответил он на мой вопрос, лишь проговорил мягко и вкрадчиво: «Я есть благодать»...

Собравшись с духом, пополз я к тому дереву в надежде укрыться под ним, ибо знал, что редко бьет молния дважды в одно и то же место. Я обнял его исковерканный ствол руками, прижался щекой к шершавой коре. Так переждали мы непогоду. А когда все стихло, заснул я обессиленный, не боясь уже ничего и никого – ни дикого зверя, ни лихого человека.

Засветло вырвала меня из сна странная тревога. В груди моей было тесно. Голова оказалась горяча и тяжела. Я метался по земле, хватал воздух ртом, как рыба и все не знал, куда мне деться от этого. Но меня успокоил шум ветра майского, что забрался в крону дерева. Он остудил мой разум и убаюкал мое сознание. Я улегся смирно, как лежал и погрузился в сладкую дрему. А ветер рассказывал мне чудные истории и пел незнакомые песни.

Я проснулся рано по утрам. Отдохнувший и утешенный, я вдохнул полной грудью свежесть воздуха, с удовольствием внял звукам пробуждающейся природы и понял вдруг, что сейчас, именно сейчас, счастлив. И тогда спросил я утреннюю минутку, ту, что других и покойней, и милей, что сделать мне, чтобы всегда прибывать в таком же мире и согласии с собой? Что сделать мне, чтобы всегда оставаться полным радости, света и надежды? «Не жалею о прошлом, – шепнула ласково минутка, – не забывай о грядущем, не возноси себя до небес. И цени настоящее, как делаешь это сейчас: каждый день, каждый миг своей жизни». Лишь вымолвила и вся без остатка истекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.